

ФЁДОР ГЛИНКА

ИОВ

*«Иов» — поэма русского поэта, писателя и публициста Федора Николаевича Глинки (1786–1880).****

Это, по выражению самого автора, свободное подражание священной «Книге Иова». Сатана пытается искушить праведного Иова, насылая на него страшные испытания, в том числе гибель его детей...Известность Федору Глинке принесли произведения «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», «Очерки Бородинского сражения», «Стихотворения», «Вельзен, или освобожденная Голландия», «Дева карельских лесов», «Письма русского офицера», «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия», сборник «Проза». Федор Николаевич Глинка был не только литератором, но еще и офицером и общественным деятелем, участвовал в движении декабристов. Его богатый боевой и жизненный опыт отобразился в его творчестве.

Федор Николаевич Глинка
ИОВ
Свободное подражание священной книге Иова (отрывки)

ГЛАВА II

Семь знойных отпылали дней,
Семь летних протекли ночей
В отчизне пальм и аромата:
Сквозь синий воздух — реки злата
И реки пурпура лились,
И от востока до заката
Без грома молнии неслись
И над оазами сияли
(Тревожа сон пустынных птиц)
Разливы пылкие зарниц;
Или серебряные звезды
Блистали радостью очей
На круглом густо-синем своде;
Или, как млечная река,
На яхонт неба облака
Взбегали: виделись пещеры,
Картины гор и городов,
И выступали дромадеры,
Глотая звезды...¹ Чудно все
На пышном небе Аравийском
В краю песков Авситидийском,
В стране оазисов и пальм...
Так семь ночей прошли в пустыне, —
С тех пор как трое из друзей
(И каждый от земли своей)
Пришли об Иове проведать.
И были те друзья — цари
Или властители. — И первый
Елиафаз был Феманин,
Потомок от сынов Исава;
С другой страны пришел другой: —
Валдад, властитель из Савхеи,
Ховарского Амнона сын;
Ко дню назначенному прибыл
И третий из друзей: то был
Софар — и был он царь Минийский.
Страдальца вид их поразил,
Пришли и — друга не узнали!
Вотще знакомых черт искали,
Уставя на него глаза:
Кругом его была зараза
И Бога гневного гроза;
На нем белелася проказа
От головы до самых ног!
Живой мертвец — он изнемог...
Лишь кости, в судоргах, стучали!..

¹ Поэтическое выражение Аравийских поэтов: они представляют облака верблюдами, пожирающими звезды... Так, в одной из своих од (в оде на взятие Измаила) и наш Державин говорит: «и рыбы ходят в небесах». Здесь рыбами названы облака.

И горько, горько зарыдали
Друзья, узрев всю меру зла...
Но скорбь уста им заперла:
Склонив главы, они молчали,
Не смея друга утешать...
И чем утешить? Что сказать?!
Но, растерзав свои одежды,
Насыпав праху на главы
И взбросив вверх по горсти праха,
Семь дней и семь ночей сидели
При дружном ложе на земле.

ГЛАВА III

Взглянул страдалец на друзей,
Привстал и ветхие одежды
Оправил... Но, себя страшась,
Поник главой на перси. Тяжко
Вздыхал скорбящий, и — он был
Как кедр, надломленный грозой,
Ни мертвым, ни живым. — Но вдруг,
Отдавшись лютой скорби, громко
Осиплым гласом возопил:
«Погибни день, когда из чрева
На гибель вышел я на свет,
И ночь, которая сказала:
«Се, в чреве зачат человек!»
И я записан в книгу жизни!..
Угасни тот злосчастный день
Во тьме глухой и в сени смерти!
Да будет мрачен он, как полночь,
И душен, как полдневный зной! —
И ночь, в которую я зачат,
С тем днем, в который я рожден,
Изглади, Господи! изглади
Из книги тайныя Своей,
Из лет, из круга годового! —
И в той ночи да не взойдут —
Утехи взоров — звезды неба
И миловидная луна!
С рассветом, свежестью богатым,
Заря! ты, в роскоши своей,
Не весели ее ни златом,
Ни пурпуром своих бровей!²
Да будет ночь сия бесплодна,
Да будет вся она — болезнь!..
Пусть темен, сумрачен, как бездны,
Повиснет свод над ней беззвездный!..
Да ни единая жена,
В часы погибельной той ночи,
Страдальца в чреве не зачнет! —
Не будь у той ночи прохлады!..
Да заклянет тот день, ту ночь,

² Выражение подлинника.

Кто для заклятий мощь имеет,
Кто, тайным словом, в дебрях змей,
И, по глухим лесам, зверей.
Иль, с брега, лютых крокодилов
Скликать и заклинать умеет,
Кому дана наука та,
Кто, в час свой, древнего кита
Таинственно преодолет!..
Зачем тот день, зачем — с той ночью
Мне дали свет увидеть сей?
Зачем я не родился мертвым?
Зачем не умер я — родясь?!.
Почто ты на свои колени
Меня, о мать! приняла?
Почто лелеяла, ласкала
Меня — младенца сберегала
И в детских играх и во сне?
Зачем молилась обо мне?!.
Почто меня питали перси?
Земли небывший населенец,
Зачем я в чреве не погиб,
Как недоношенный младенец?
Меня б закинуть, чтоб пропал
Я в пеленах, еще без смысла!
За то давно б уже я спал
Протяжным сном в глубоком лоне,
На общем сходбище — в земле!
Там все равны — рабы и князи:
Богач бок о бок с нищим лег;
Для всех один покой счастливый
Под хладным черепом земли!
Покинув троны, там легли
Цари, что в бранные тревоги
За славой гибнущей текли:
Вонзались в небо их чертоги
Из скал громадных на столпах;
Над прахом их — все стерлось в прах!..
И те, что золото холмили
И серебро в своих ларях,
Со мной бы рядом опочили...
Там нет насилий, чужд там страх;
Различья нет там земнородным;
Для узников — нет кандалов,
Нет кабалы там для рабов,
Никто не стонет от трудов...
Все — долгий отдых и свобода
У подземельного народа!
Прохладна за могилой сень!..
А здесь, а в сей палящей жизни,
В сей бездорожной темноте,
Мы только бродим, как слепые!..
Зачем ты светишь, Божий день?
Чтоб нам показывать, как люди
Томятся, плачут и грустят?
А я, — я мученик безвинный, —
Рыкаю громче гладных львов,
И, словно ток на дне кремнистом,
В моей груди кипит тоска; —

Полуистлевшему и пищу
Подает — хлеб жизни чья рука?! —
Я воплем приправляю пищу,
Роняю слезы в питье!
Я трачу жизнь, теряю силу,
И сам себе свою могилу,
Тоскуя, вырыть бы я рад,
И гроб почел бы я за клад!..
Вот, други! вот мое бытье!
Он каменной налег горою
На перси мне, холодный страх:
Я весь им стиснут! Вот я вижу:
Чего боюсь... ко мне идет;
Чего содрогнусь... то надходит!
Горю и зябну... страшно!.. страшно!!!
Изныли кости от тоски!..
Но разве я роптал доселе,
Под тяжким натиском скорбей? —
Не сохранял ли я молчанья,
Когда, въедаясь, прогрызал
Мой недуг гибнущее тело,
И видел кости я свои?
Ведь, я как камень был, — доколе
Меня прожжет Господний гнев!..»

ГЛАВА VI

«О, как бы, други, я желал,
Чтоб здесь, пред вашими глазами,
Спустилися весы судеб,
И чтоб на них мои все муки
Господь правдивый возложил!»
Так Иов грустный говорил
И продолжал с болезнью сердца:
«Тогда б увидели, что скорбь,
Моя болезнь, моя тоска,
Мои несносные мученья —
И вес приморского песка
Перетянули б... От того
В моих болезненных речах
Порой тоскливое волненье...
Увы, я чувствую: в меня
Впились, вонзились Божьи стрелы,
И душу из меня сосет
Их ядоносная отравка.
И ужасы — кругом меня,
Со всех сторон грозой пугают!..
Горю, томлюсь — покоя нет!
Кричу, зову — не отвечают;
Прошусь в могилу — не пускают;
Под зноем мук страдальцу нет
Ни сна, ни сладостной прохлады;
Мой сон наполнен страшных грез,
Глаза растаяли от слез,
И сердце, слыша грозы, млеет...
О горе, я живой — мертвец!

Я часто сам к себе с вопросом:
Живу ли я, иль не живу?
Я обеспамятел в несчастьи
И разум утопил в слезах. —
Мне опостылил свет и люди...
А я ведь так любил людей!!
Все, все, чего страшился прежде,
Теперь увидел на себе!
Ведь я — не каменный, не медный...
Осел ревет ли на траве?
И бык мычит ли подле корма,
Когда присмотрен он и сыт?...
Что пища без приправной соли?!
Мой хлеб постыл мне стал от боли,
Полынью стало питание!
Увы мне!.. Братья вероломны
Спешат от ложа моего —
Все врознь, как токи снеговые,
Как своевольные ручьи
Без русла. От снегов рожденны,
Те ненадежные ручьи
Бегут, теряясь в бездорожьях,
И первый яркий солнца луч
Их иссушает до поддонья.
И мнимой дорожа водой,
Вслед за скитальцами-ручьями,
Беспечно доверяя им,
В пустыни идут караваны
И погибают заблудясь...
Вот караван Феманский длинный,
Саввейцев шумный караван
По тем ручьям пошли в пустыню
И ужаснулись, зря обман
Своих предателей безводных...
И я хотел бы воду жизни
Из ваших вычерпнуть речей
И освежиться ими в жажде;
Но, вместо сладких токов водных,
Пред несчастливцем появились
Вы уж иссякнувшим ручьем!!
Так чем вам напоить страдальца,
Отверженного от людей?!
Да! — я отверженец, бездомок,
Кому чужда уже земля...
Я брошен бурей, как обломок
В грозе морей от корабля...
Но разве у родства, у дружбы
Я требую себе даров,
Или наград моим утратам,
Иль избавления от бед,
Иль выкупа от супостата?...
А признаюсь: я б оценил
Одну слезу — слезу от сердца,
Когда б сюда, на грудь мою,
Ее участие обронило...
Но вокруг меня — один упрек!..
Скажите ж: как и что мне делать?...
Я стисну грусть и замолчу!